

САПОГИ НА ДВОИХ

Повестка позвала на войну вечером 23 июня 1941 года. А еще утром Захар Навинков собрался в военкомат записаться добровольцем. Побросал в котомку все необходимое, но что-то жалось, перевернулось, не вышло в душе с этим решением, и он, помявшись в дверях с повисшей у него на шее женой, остался дома. Ну что там день-другой! Война подождет, а вот поленицицу совсем подобрали – как их без дров оставить?..

Захар долго смотрел на притихшую, какую-то умявшуюся, похожую на свечной огарок супругу, мерил глазами сына – тот не в пример матери прямил спину, топырил плечи, был весь по особому собравшийся, точно птичий детеныш перед первым полетом. Но был он, как и его

мать, худ и костляв, и Захар не больно-то верил, что оставляет в доме надежного мужика, хотя Федьке уже пятнадцать... А ну как война затянется? Тогда и пацана подгребут, и останется Настена одна... Всякое в голову лезло.

Вот и решил Захар отложить войну на потом, пока не управится с кой-какими делами по дому. И стеху надо бы подправить, и крыльцо осело, и печь дымит – Настене все глаза проела... Набралось сразу всего, что не оставить на потом, потому как его может и не быть, этого «потом».

Но война ждята не умела, не могла и не хотела. Она застала мужика, управлявшегося с крышей, тихим, долгим вечером. Повестка, все перевернувшие недолгие сборы – благо набитая

под узел котомка уже лежала возле двери.

– Шофер, он везде сгодится, – сказал как бы в утешение жене и сыну. – С немцем мы управимся, глядишь, скоро и назад, тогда уж печь подправлю...

Фронтальные письма-треугольники приходили от Захара исправно. Не то чтоб часто, а, известное дело, когда война отпускала время и солдат мог взяться за огрызок чернильного карандаша. Служил он в 28-й танковой армии. Уже катился Захар со своими однополчанами на Запад, как вдруг оборвалась с ним переписка.

И подоспела пора Федьки. И надо же такому случиться, что он тоже попал в двадцать восьмую танковую. Спрашивал про отца, но разве найдешь после мясо-

рубки то, что было когда-то целым и узнаваемым? Кто-то вроде помнил, кто-то вроде видел, когда Федька казал довоенную фотку. Да и какие розыски на фронтовых дорогах, сквозь танковую щель!.. Если только отведут на отдых и выдастся время между боями. Но как спрессованы те часы – не всегда отоспишься та швей в бане погнаешь. «В Берлине встретимся», – думал Федька.

Война одаривала Федора и хорошиим. На войне он впервые полюбил. А в его душе появилось божественное сострадание к чужому горю. В танке он хранил пару новых, исполненных искусным мастером сапог – не будем говорить, как ему доставались. Дорожил ими – какой парень перед девкой без сапог – и не раз мысленно зрил себя идущего по родному селу в скрипучем хроме.

И вот как-то в Польше ворвались они в концентрационный лагерь военнопленных. Люди в ба-

раках – кожа да кости. Вынес Федор одного мужика под солнце, совсем обессиленного, ноги у него все в струпьях, язвах – живого места нет. Только миг раздумывал, может, чтобы в последний раз увидеть себя возвращающегося домой в справной обуви. Бросился к танку за новыми сапогами.

– Бери, солдат, носи и меня помни. А я себе добуду.

Вернулся Федор в свое село в старой кирзе. Открыв дверь родимого дома, сразу взглянул на то место, где стояла в 41-м собранная на войну отцовская котомка – и увидел сапоги, которые сам натянул на ноги тому солдату-доходяге в концлагере. Он бы их отличил среди тысячи пар!

– Батя!.. – и обомлел с комом в горле. – Как же так...

– Федька!..
Вот что делала с людьми война! Тогда, в лагере, не узнал сын отца, а отец – сына...

Владимир ЧЕРТКОВ

Шел февраль 1945 года. Советские войска вели ожесточенные бои в окруженном Шнайдемюле (сейчас это польский город Пила). Однажды вечером капитан Александр Цыганков и я, тоже капитан, отправились на агитмашине на передовую для выполнения боевого задания. Проходила она по центру города. Поставив агитмашину у полуразрушенной стены, спустились в подвал.

Мы выполняли гуманную и благородную миссию – говорили немецким солдатам правду о безнадежности их положения и призывали сложить оружие и сдаться в плен. Но эта правда приводила фашистских офицеров в ярость, и они приказывали открыть интенсивный огонь, чтобы заглушить наши голоса и заставить нас замолчать.

По традиции начали с музыкального вступления – популярного шлягера «Ро-замунда». Немцы в этот момент огонь не открывали: видимо, с удовольствием слушали любимую песенку. Но когда мы через микрофон обратились к солдатам с призывами, начался ад крошечный. На то место, где стояла агитмашинка, обрушился град снарядов и мин. И все же мы продолжали передачу, ибо надеялись: несмотря на артиллерийскую канонаду, слова правды будут услышаны немецкими солдатами, дойдут до их сознания и, возможно, помогут хотя бы кому-нибудь из них преодолеть страх перед русским пленом, внушаемый гевбельсовской пропагандой, и спасаются...

Наконец передача закончилась и – опять по традиции – зазвучал бравадный мотив. Обычно, услышав «музыкальный финал», гитлеровцы прекращали обстрел. Но на этот раз он стал еще ожесточеннее. Снаряды и мины ложились все ближе и ближе. Очевидно, нас засекли и взяли в артиллерийскую вилку. Каждую минуту можно было ждать прямого попадания, от которого нас не спас бы даже массивный свод подвала. А наверху, как в насмешку, из громкоговорителя лилась веселая мелодия и вокальное трио горланило пошлые слова: «Так, как моя красотка Кете, не целует никто на белом свете...»

Нужно было немедленно выключить проигрыватель, который находился наверху, в машине. Саша Цыганков вскочил и выбежал из подвала. И в следующее мгновение песня оборвалась на



Капитан В.С.Галл (слева) и капитан А.М.Цыганков. Шнайдемюле, февраль 1945 г.

НАВСТРЕЧУ
ВЗРЫВАМ И НАДЕЖДАМ

полуслове, так что красотка Кете не успела даже доцеловать своего дружка. Вскоре умолкла и вражеская артиллерия, потеряв ориентир. Наступила такая тишина, что стало больно ушам. И вновь произошло нечто неожиданное...

Из отдаленного угла подвала послышались какие-то стоны. Саша и я, бросившись туда, обнаружили несколько стариков и старух – жалких, плачущих, истощенных и обезумевших от страха и голода. Спасаясь от уличных боев, они забрались в подвал еще до того, как к дому подъехала агитмашинка. Конечно же, мы успокоили бедняг, объяснили, что никто не собирает их расстреливать или угонять в Сибирь... Отдали им все съестное, что было у нас в полевых сумках, – бутерброды, сухари, куски сахара... Почти 60 лет прошло с тех пор, но я до сих пор помню, как эти старики дрожащими руками брали бутерброды и жадно их ели. Изможденные лица наших неожиданных гостей освещала робкая, по-детски радостная улыбка. Такую же улыбку я позже увидел снова...

В конце апреля 1945 года наши войска освободили город Бернау. Командующий 47-й армией гвардии генерал-лейтенант Перхорович назначил временным комендантом этого города Конрада Вольфа. Ему было

всего-то 19 лет, и мы помогали ему. Хотя еще шли ожесточенные бои, заболели о жителях Бернау. Требовалось прежде всего обеспечить их продуктами питания, отремонтировать водопровод, канализацию и электросеть. Короче, восстановить в городе нормальную жизнь. Командование армии предоставило в наше распоряжение солдат инженерных войск с стройматериалами, выделило для населения хлеб, сахар и консервы из армейских продовольственных складов... Вдумаемся в этот факт: фашизм еще не был разбит окончательно, советские люди несли жестокие потери на фронте, а в тылу испытывали страшную нужду и лишения. И все же мы делились всем чем могли с немцами, которых освободили от ига фашизма. Наши чувства по отношению к ним были, разумеется, неоднозначными. Но могу сказать одно: никогда, даже в самые тяжелые дни войны, когда становились известными ужасные преступления эсэсовских изуверов, наш народ (во всяком случае, его большинство) не отчаивался немецкий народ с фашизмом. Таково мое глубокое убеждение.

Одно событие особенно глубоко врезалось в мою память. Вечером того дня, когда мы освободили Бернау, я проходил по улицам

города и вдруг увидел, как в одном из домов на четвертом этаже внезапно распахнулось окно, и в его проеме появилась женщина. Еще минута – и она выбросится на улицу. Я молниеносно устремился в дом, взбежал по лестнице наверх и в самое последнее мгновение успел удержать эту женщину. Рыдая, та опустилась на стул. Она была одной из тех, кого нацисты запугали своими измышлениями о зверствах «русских варваров». Мне долго пришлось объяснять ей, что Советская армия пришла сюда не мести ради, а чтобы освободить немцев. Женщина успокоилась, вытерла слезы и робко, застенчиво улыбнулась.

И еще неделю спустя мне в третий раз (воистину Бог троичен!) довелось увидеть такую улыбку. В начале мая на разрушенных улицах освобожденного Берлина вокруг дымящихся полевых кухонь толпились старики, женщины и дети. Каждый из них получал от советского солдата в белой поварской куртке миску горячего супа и кусок хлеба. Счастливая улыбка, озарявшая лица голодных немцев, запомнилась мне и о ночи в Шнайдемюле, и о вечере в Бернау...

Конечно, это была еще улыбка сквозь слезы, но все-таки уже улыбка надежды...

Владимир ГАЛЛ, майор в отставке

Летом 1941 года мы вместе с мамой выехали из Москвы в ее родную деревню Саратов под Тулой. Наступая, фашисты вскоре обстреляли деревню со стороны станции Валово, так что нам пришлось прятаться в оврагах. И ненавидеть, зародившаяся тогда, в детстве, осталась во мне на всю жизнь.

ют, кого на месте расстреливают, а эсэсовцы даже бросают детей в колодцы.

Однажды под утро на другом конце деревни загорелась изба. Что-то там происходило, но мы боялись выйти посмотреть. Потом пришли немцы, стали требовать у нас лошадь. Дядя Яков, муж Василисы, по-немецки (он немного знал

ТАКАЯ ДЕТСКАЯ
МЕЧТА...

В 1970 году мне как актрисе довелось оказаться на гастролях в Германии. Едва автобус остановился, к нам подходили взрослые, дети, улыбались, говорили приветливые слова. А у меня в глазах стояли слезы, и я думала только об одном: неужели деды и отцы этих добрых людей отняли жизнь у сотен моих земляков и ровесников? Вспоминала, как немцы каждое утро приходили в нашу деревню со станции и отбирали все съестное. Как отняли и зарезали нашего племенного быка. Как, подстрелив в нашем дворе петуха, тут же ошпарили его... И бесполезно было что-то прятать: они все находили, а встретив сопротивление, могли и застрелить.

Впрочем, некоторые деревенские даже обрадовались вначале приходу фашистов. Но когда оккупанты стали отбирать еду и скотину – заговорили по-другому, моля Бога, чтобы поскорее вернулись наши.

Однажды немцы явились, когда моя тетка Василиса испекла хлебы и спрятала их на печке под соломой. Меня посадили на перевернутую табуретку, которая прикрывала отверстие под печкой, – там было спрятали кур. Но в избе так пахло свежим хлебом и пирогами с луком, которые тетка испекла для меня из остатков теста, а куры так истошно кудахтали, что, не слушая теткинго лепетания: «Ничего нет, пан!», этот «пан» сгреб с полки пироги к себе в мешок. Отодвинув солому, он увидел хлебы, закричал что-то по-немецки и набросился на тетку. Затем, взяв меня за шиворот, откинул в сторону как щенка. Куры шумно разлетелись по комнате.

Мы уже не надеялись когда-нибудь вернуться в Москву. Из соседних деревень приходили люди и рассказывали, что немцы лютуют: кого в Германию отправля-

язык – в империалистическую был в плену) объяснил им, что лошадь больна. Немцы уважали тех, кто говорил по-немецки. Однако сбрую все же забрали, а на прощание бросили зажегнутые факелы на нашу соломенную крышу. Они бежали вдоль деревни и бросали такие факелы на все избы. К счастью, люди не давали огню разгореться.

Одна девушка взяла коромысло и пошла будто по воду в дальний край деревни. Вернулась – и чуть не плачет: «Там наши, наши!» Тут мы все увидели, как из оврага, словно богатыри из сказки, без единого выстрела выходят воины. Это были молодые сибиряки, они шли как на параде – в белых полушубках, белых шапкашанках... Мы остолбенели: и верилось, и не верилось, что это наши. Лишь когда началась стрельба, а командир закричал: «Ложись, мать твою так!» – мы убедились, что это действительно наши. Радости не было предела, слез никто не стеснялся.

В 1943 году, когда мы с мамой уже вернулись в Москву, через город вели пленных немцев. Их было много, они шли шеренгами, на их лицах не было даже тени той наглости, которая была в первый военный год. На улицах люди стояли молча – не прозвучало ни одного бранного слова, хотя почти в каждой семье уже были погибшие.

...Годы, прошедшие с той поры, растворили, вымыли из наших душ ненависть военных лет. В конце концов, не могут люди жить в злобе и мести. Осталась только неизбывная горечь: сколько же горя принесла та война! И скольких бед можно было бы избежать на земле сегодня, если бы мы, люди, научились жить в мире. Неужели это мечта несбыточная?..

Нина ЕЛИСЕЕВА